

ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕФЕРАТЫ

ПОЧЕМУ СМЕЮТСЯ ЛЮДИ — ВОТ В ЧЕМ ВОПРОС... GLENN PH. LAUGHTER IN INTERACTION. CAMBRIDGE: CAMBRIDGE UNIVERSITY PRESS, 2003. 190 P.

В аннотации книга Филлипа Гленна заявлена как «аналитический обзор того, как и почему люди смеются, когда разговаривают», который стал результатом двадцати пяти лет исследований автором смеховой повседневной культуры и обобщения целого ряда статей и монографий, посвященных изучению смеха в рамках «эмпирической, индуктивной, дескриптивной исследовательской традиции, основанной на феноменологии, этнометодологии Гарольда Гарфинкеля и микросоциологии Ирвинга Гофмана, изучающей методы организации людьми своих социальных взаимодействий и предполагающей детальное транскрибирование характеристик повседневного общения в локальных контекстах, — конврсационного анализа» (с. 2). При всей, казалось бы, абсурдности для научного рассмотрения заявленной тематики, следует отметить важность смеха в интеграции человека в социальный мир: смеяться мы начинаем с 3-4 месяцев¹, выражая сначала комфортное состояние, затем радость от созерцания знакомых лиц, позже — от шекотки, со взрослением все большее значение в «возникновении» смеха начинают играть социальные факторы. Нарративная компетентность развивается значительно позже: простые, хронологически упорядоченные «истории» дети начинают рассказывать с четырех лет, в период с четырех до девяти лет соотношение оценочного и повествовательного компонентов изменяется в пользу первого, «истории» удлиняются и становятся более согласованными, сюжеты усложняются, в них становятся привычными отсутствующие в рассказах малышей прямая и свободная косвенная речь [1, с. 533; 2, с. 61].

Что сразу бросается в глаза при взгляде на книгу, так это забавная обложка с двумя смеющимися детьми, нехарактерная для отечественной научной традиции (она существенно более «академично» подходит к оформлению собственных изысканий) и потому сразу ориентирующая читателя на тематику, нетипичную и скорее всего объективно (как-то не до смеха нам в изучении своего общества в силу его размерности и нынешнего социально-экономического состояния) и субъективно (как-то неприлично у нас писать статьи, а тем более книги, на подобные «несерьезные» темы) неактуальную для российской социологии. Во «Введении» Гленн называет две причины, по которым большинство публикаций о смехе, в отличие от его собственной

¹ Улыбаться человек начинает еще раньше — в первые недели после рождения.

попытки научного исследования данного феномена, начинается с извинений авторов за интерес к подобной проблематике (с. 1): 1) смех считается тривиальным проявлением детскости, лишь на несколько коротких мгновений прерывающим серьезность «взрослой» жизни; 2) если ученый все же признает важность изучения смеха, он вынужден крайне «сциентистски» анализировать данный спонтанный и естественный тип человеческого поведения, то есть метод изучения резко контрастирует с природой «объекта» (в качестве иллюстративной аналогии Гленн приводит ситуацию «препарирования рыбы для того, чтобы понять, как же все таки ей удастся плавать»).

Фокус интереса Гленна — смех в межличностном взаимодействии, в установлении и поддержании взаимоотношений посредством выражения привязанности, дружеских намерений, нежности, грубости, торжества, волнения и т. д., то есть всей той совокупности значимых физических и психологических реакций, которые необходимы человеку для нормального самоощущения, самоидентификации и самопрезентации. Гленн определяет смех как вполне «изучаемый» феномен, поскольку он носит не случайный, а систематический, последовательный и социально детерминированный характер, скоординирован с речью и другими видами человеческого поведения.

Учитывая своеобразие объекта анализа в рецензируемом издании, имеет смысл достаточно подробно охарактеризовать тематические доминанты структурных элементов текста. Итак, книга состоит из семи глав. В *первой главе* представлен обзор подходов к изучению смеха: физиологический подход трактует смех как естественный, инстинктивный, привычный акт поведения людей и приматов (с вокальной и визуальной точек зрения); психологический — как результат внешнего воздействия и определенных ментальных операций (объясняет причины, почему мы смеемся); социальный — как фундаментальную особенность человеческого поведения (рассматривает влияние контекстуальных факторов, присутствия других). Все эти подходы, по мнению Гленна, объединяет определение смеха как пассивной, зависимой переменной, и он предлагает иную модель — социально-интеракционистский подход, в рамках которого люди выступают как социально-ориентированные существа, активно осуществляющие смеховую деятельность² в конкретные моменты времени для достижения определенных целей/эффектов. Соответственно, Гленн анализирует смех в двойственной перспективе — как мы «делаем» смех и как смех «делает» нас (уточняет значение произнесенного, нашу идентичность и взаимоотношения с окружающими), определяя смех как «фундаментально социальный феномен и процесс коммуникации» (с. 7). Суть социально-интеракционистского подхода — поиск ответов на следующие вопросы: почему люди смеются в повседневном взаимодействии? как смех возникает и интерпретируется? почему люди смеются вместе и как совместный смех возникает, поддерживается и заканчивается? каким целям служит смех во взаимодействии?

² Здесь и далее будут использованы достаточно странные словосочетания, призванные передать в русском языке те смысловые акценты, которые выражаются в английском языке конструкцией фраз с использованием лишь одного слова «laughter».

Наиболее исследованной «областью» смеха оказывается его физиологическая составляющая, то есть вопрос о том, *как* мы смеемся, во всяком случае с данной точки зрения, совершенно понятен. Однако, «по иронии судьбы, чем более точные измерительные приборы (аналоги спектрографа) для измерения смеха создаются, тем более отдаленные от социальной коммуникации его описания мы получаем» (с. 11): измерения смеха здесь проводятся вне коммуникативного контекста, поэтому любые «объективистские позитивистские» подходы в изучении смехового поведения Гленн считает неуместными. Действительно, более важным является другой вопрос — *почему* мы смеемся, учитывая то обстоятельство, что в соответствии с результатами кросскультурных исследований, смех проявляется достаточно схожим образом в различных культурах и лингвистических группах. Гленн рассматривает несколько объяснительных концепций смеха: «теорию доминирования/враждебности» — люди смеются, когда осознают свое превосходство, успешность, преимущество относительно других, то есть смех несет в себе элемент конкурентной борьбы и жестокости по отношению к проблемам других (это особенно хорошо проявляется в изображениях «злодеев» в театральной традиции); «теория неконгруэнтности» определяет смех как результат столкновения с неожиданным, рассогласования реальности и ожиданий, слияния двух разноплановых фреймов, сведения вместе двух противоположных идей и т. д. (иллюстрация — любые проявления абсурдного в жизни и искусстве); в «теории облегчения» смех — выражение осознания человеком того, что он избежал опасности или избавился от какой-то психологической проблемы (с. 19-22).

По мнению Гленна, ни одна из перечисленных теорий не может претендовать на статус обобщающей объяснительной концепции смеха в силу фокусировки лишь на конкретных его аспектах, тогда как обычно они находятся в неразрывном единстве. Поэтому он предлагает в качестве таковой социально-интеракционистский подход, учитывающий наработки всех приведенных выше теорий, но анализирующий смех как поведенческую реакцию на юмор (и не только) в широком ситуативном и каузальном контексте. Основная социальная детерминанта смехового поведения — присутствие других (хотя человек может смеяться и будучи один), причем необходимо учитывать не только сам факт и количество участников/свидетелей коммуникации, но и их «качество» (пол, возраст, роль в группе и т. д.).

Смех, с одной стороны, зависит от контекста, с другой — формирует его, и в этом метакоммуникативная функция смеха: он обозначает фрейм коммуникации (флирт, игра) и помогает человеку эффективно общаться, маскируя смущение, растерянность, обиду и т. д. Основная же функция смеха — демонстрация принадлежности к определенной группе «членства»: речь идет не только о взаимопонимании, но и о значительно большей близости людей (человек может соглашаться, что нечто сказанное — интересно, забавно, занимательно, но не считать его действительно смешным). Для реализации этой функции смех должен быть совместным — он создает у людей ощущение единения, разделения общих ценностей, снятия различий и конфликтности (с его помощью «мы-группа» подтверждает и усиливает собственную групповую идентичность). Соответственно, относительно аутсайдеров и «других» совместный смех выполняет противоположную функцию —

демонстрирует отсутствие симпатии, враждебность: низшие классы общества компенсируют свое несправное положение, бросая вызов существующему порядку в форме анекдотов о высших классах, высмеивая созданные ими правила и ритуалы поведения.

Во *второй главе* Гленн рассматривает разговорный анализ³ как методическую основу изучения смеха посредством аудио и видеозаписи и последующего детализированного транскрибирования. Сначала он тезисно излагает базовые теоретические положения, исследовательские вопросы и методы разговорного анализа, затем приводит те его наработки (терминологические и методические), которые позволяют анализировать смех в процессе взаимодействия людей. В отличие от ряда авторов, считающих, что разговорный анализ — лишь одна из разновидностей дискурс-анализа (как общего обозначения всех вариантов анализа языка в его реальном использовании), Гленн полагает, что разговорный анализ — особый по своим теоретико-методологическим и процедурным основаниям подход, предполагающий изучение как вербальной, так и невербальной составляющих коммуникации (р. 36). Суть разговорного анализа, по Гленну, — циклический итеративный процесс прослушивания записей, их транскрибирования и интерпретации.

Гленн использует модель транскрибирования, разработанную Гейлом Джефферсоном: создатели разговорного анализа были первыми, кто стал не только отмечать наличие смеха в коммуникации, но и транскрибировать смех посредством его «визуальных (текстовых) аналогов»; Джефферсон в 1985 г. показал, как полный транскрипт разговора (с указанием всех форм смеха) помогает лучше понять происходящее, и предложил более детализированный вариант схемы транскрибирования разговоров (р. 43). В качестве ключевых компонентов транскрибирования смеха выступают: собственно «смешное» (дословный перевод термина, используемого Гленном, — «то, что может вызвать смех»), или референт смеха; звуковая составляющая смеха и действия «вокруг» него (локальный контекст).

³ Разговорный анализ, или анализ разговоров, направлен на изучение структур и формальных свойств языка, рассматриваемого с точки зрения социальных практик и ожиданий, на основе которых собеседники организуют свое поведение и интерпретируют поведение другого [3, с. 35]. Вклад каждого участника разговора во взаимодействие рассматривается как контекстуально ориентированный: локальный контекст — непосредственно предшествующая реплике конфигурация высказываний; институциональный контекст — совокупность привычных практик конструирования разговора на определенную тему в конкретной ситуации. Соответственно, разговорный анализ базируется на эмпирии без привлечения заранее сформулированных гипотез; мельчайшие детали текста рассматриваются как аналитический ресурс, а не как помеха; социально детерминированная упорядоченность естественной речи признается очевидной не только для исследователей, но и для конструирующих ее людей [3, с. 37]. Например, «гендерный анализ имеет смысл только в том случае, если гендерные различия значимы для самих участников разговора» [4, с. 15], которые демонстративно на них ориентированы, то есть «гендер — это не то, что горящие «имеют», а то, что они «создают» [5, с. 707].

В *третьей главе* Гленн рассматривает совместный смех как индикатор «партнерства» и совпадения перспектив участников коммуникации, отмечая, что он имеет не спонтанный, а последовательный характер: сначала один из участников разговора начинает смеяться в ходе или по окончании высказывания о смешном, затем его собеседники начинают смеяться вместе с ним, как бы принимая его «приглашение» к смеху. Реакция на «приглашение» может быть иной: молчание / серьезное обсуждение темы, то есть отказ от совместного смеха, или нечто среднее между смехом и отказом от него — короткие смешки или улыбки, которые обычно заменяют смех в институциональных ролевых взаимодействиях и ситуациях, накладывающих ограничения на выражение эмоций. Здесь Гленн отталкивается от классификации реакций на приглашение к смеху, предложенной Джефферсоном в 1979 г.: принятие (ответный смех), молчание и отказ (сохранение серьезной тональности разговора) (с. 56). Он также разрабатывает свою «классификацию» видов совместного смеха: длительный смех по одному смешному «поводу»; развертывание смешной тематики в ходе взаимодействия; генерирование все новых и новых смешных эпизодов.

В определенных контекстах смех выступает как декларация намерений о продолжении коммуникативного «сотрудничества», то есть временно порождение смеха, по мнению Гленна, крайне сензитивно относительно локального контекста. Поэтому он считает недостаточным оперирование лишь аудиозаписями для анализа смешовой составляющей общения: необходимы видеозаписи, позволяющие увидеть более мягкие аналоги смеха — улыбки, которые возникают значительно чаще собственно смеха и формируют контекст, необходимый для совместного смеха. Видеозаписи показывают «нюансировку» типовой схемы смешового общения (смех рассказчика / «приглашение» к совместному смеху — ответная реакция собеседника) и ее промежуточные этапы — «вхождение в игру» (через интонационные особенности фраз, взгляды, междометия), «преприглашение к смеху» (смешки), «выражение готовности рассмеяться» (улыбки и взгляды) (с. 69-71).

Четвертая глава посвящена поиску ответов на вопрос, «кто смеется первым», что звучит как забавная антонимия распространенного идиоматического выражения «кто смеется последним». Схема смешового поведения достаточно стандартна (нечто смешное — участник, который указывает на смешное — первый, кто засмеялся), но Гленн различает по социальной значимости две ситуации: 1) первым засмеялся тот, кто сказал нечто смешное (ситуация характерна для диадического общения); 2) первым засмеялся услышавший / увидевший нечто смешное в рассказе своего собеседника (подобная ситуация часто говорит о высмеивании / издевках, для нее характерно множество участников, объединяющихся в «группы» по критерию отношения к смешному⁴). Вариации ситуации с «первым засмеявшимся» позволяют

⁴ Представленные в скобках типовые ситуации двух видов Гленн выделяет якобы на основе статистических данных: в диадическом взаимодействии первым обычно смеется рассказчик смешного, тогда как в случае со множеством участников коммуникации первым смеется один из слушателей смешного (здесь существенно выше степень свободы реакций и больше поведенческих альтернатив) (с. 109).

участникам взаимодействия демонстрировать собеседникам свои «взаимоотношения» как относительно смешного, так и относительно друг друга и всего контекста общения (с. 109). В целом проблематика «кто смеется первым», по мнению Гленна, намного сложнее, чем может показаться на первый взгляд, — это не простой и тривиальный элемент общения, а индикатор ориентаций участников коммуникации относительно смешного и их взаимоотношений, детерминированный всеми эпизодами взаимодействия / разговора.

В *пятой главе* фокус интереса автора книги смещается от организации смехового общения к инструментальному значению смеха (объединение единомышленников, демонстрация презрения и т. д.). Ключом к пониманию и правильной интерпретации смеха выступают предлоги «с» (смеяться вместе с кем-то) и «над» (смеяться над кем-то), расставляющие значимые акценты в типовой последовательности этапов смехового общения: нечто смешное — первый рассмеявшийся (с или над кем-то) — наличие / отсутствие ответного смеха — продолжение обсуждения смешной темы. Смех *над* кем-то и смех *с* кем-то различаются тем, над чем смеются (в первом случае кто-то из присутствующих становится объектом насмешек), кто рассмеялся первым (таковым обычно не является объект насмешек), кто рассмеялся в ответ и последующими действиями участников коммуникации (обсуждается референт смешного или нет).

Джефферсон полагал, что обозначенные альтернативы смеха *над* и смеха *с* несимметричны (с. 114): смех *над* всегда «однаправлен», смех *с* может одновременно быть смехом *над* — когда слушатели смеются вместе с говорящим не только потому, что он сказал что-то смешное, но и потому что критикуют его или иронизируют по поводу его высказываний. Гленн вообще не считает указанные альтернативы взаимоисключающими и приводит примеры, когда смех над кем-то результировался в совместном добродушном смехе, и наоборот: неудачная шутка может привести к тому, что участники коммуникации будут смеяться не столько над анекдотом, сколько над неспособностью рассказчика правильно / смешно его рассказать; объект насмешек может перевести неприятную для себя ситуацию в более приемлемое русло, начав смеяться над собой вместе с остальными (но для этого юмор должен быть уместным и релевантным, а объект насмешек готовым иронизировать над собой). В последнем случае возможна «микротрансформация социальной структуры» группы — объект насмешек превращается в самого остроумного ее члена, кардинально меняя свой статус (с. 120). Смех над кем-то далеко не всегда имеет негативный характер — зачастую он, наоборот, способствует установлению взаимоотношений, если речь идет не о жестоком высмеивании, а о релевантных дружеских подшучиваниях.

В *шестой главе* Гленн переходит к следующему уровню обобщающих высказываний о смехе как средстве формирования, поддержания и изменения межличностных отношений, привлекая для этого, в частности, концепцию фреймов И. Гофмана. По мнению Гленна, смех формирует некоторый игровой фрейм: постоянная смеховая составляющая разговора юноши и девушки позволяет им переходить от поддразнивания друг друга к флирту, то есть создает контекст достаточно близкого, интимного общения; смех помогает скрыть неловкость при обсуждении неприятных тем, например, когда один из участников коммуникации сопротивляется установлению интимного

контекста общения со стороны другого. Игровой фрейм как будто «снимает» серьезность последствий происходящего — например, благодаря ему человек не чувствует себя униженным в случае со словесными поддразниваниями.

В шестой главе Гленн также апеллирует к понятию идентификации, хотя говорит, скорее, об отдельных факторах, влияющих на проявления смеховой культуры. Так, он рассматривает смех как одну из характеристик дискурса, в котором конституируются и проявляются гендерные различия (с. 153-155). Сначала он приводит достаточно широко распространенное мнение, что женщины чаще смеются над шутками мужчин, чем мужчины — над шутками женщин, поскольку женщины в целом более вежливы и больше «вкладываются» в разговор, тогда как мужчины обычно ориентируются на статусные позиции и привлечение к себе всеобщего внимания. Затем автор перечисляет следующие результаты исследований: женщины смеются чаще, чем мужчины, а 12-17-летние женщины — чаще, чем представители других возрастных групп независимо от пола; женщины чаще смеются в присутствии и в ответ на «приглашения» мужчин, чем наоборот; в смешанных по полу диадических и групповых взаимодействиях женщины обычно смеются или улыбаются шуткам мужчин, но редко рассказывают что-то смешное сами. Джефферсон обнаружил, что мужчины в целом склонны к поведению, которое он обозначил как «сопротивление» смеху (отказываются рассмеяться в ответ на «приглашение»), и смеются, если хотят избежать обсуждения каких-то проблем; женщины же, наоборот, редко не смеются в ответ на «приглашение» мужчин, за исключением случаев, когда мужчина рассмеялся первым, рассказывая о собственных неприятностях (то есть женщины демонстрируют большую восприимчивость к чужим проблемам).

Гленн убежден, что гендерные различия в смеховом взаимодействии не столько реальны, сколько сконструированы интериоризированными в процессе социализации представлениями о том, как должны общаться мужчина и женщина. В ходе собственного исследования, призванного проверить на практике выделенные Джефферсоном достаточно «карикатурные» гендерные типажи, Гленн с коллегами проанализировал взаимодействие диад, смешанных по полу, и не обнаружил существенных гендерных различий при простом подсчете временных и иных формальных показателей общения. Тогда он разделил все виды взаимодействия диад на два типа — «ухаживания» и «все остальные», что позволило выявить следующие закономерности: если общение мужчины и женщины не укладывается в контекст «ухаживаний», то мужчины чаще реагируют на «приглашение» рассмеяться; в «ухаживаниях», если автор шутки не рассмеялся, в отличие от собеседника, мужчины чаще смеются для подтверждения «правильности» смеховой реакции, чем женщины; нерелевантный смех (в ответ на рассказ о проблемах, самокритику, обидные шутки и т. д.) чаще встречается в «ухаживаниях», причем со стороны женщин. Таким образом, смех если и значим в гендерной организации общения, то лишь в контексте «ухаживаний».

Седьмая, заключительная, глава книги условно распадается на три неравноценные по объему части: 1) суммирование результатов исследования — тезисно изложены выводы по каждой главе (это самая большая часть данного раздела книги); 2) своеобразная ода смеху взамен заявленных автором во Введении «предложений о дальнейших направлениях

исследований» — «смех помогает справиться со сложными ситуациями более сфокусированно, творчески, снижает уровень тревожности... смех помогает нам чувствовать себя хорошо физически, ментально и духовно... это сила, сближающая людей... но смех может делать людей жестокими... вести к свехупрощениям и потому быть опасным... смех недоступен простым определениям»; 3) размышления автора о «практическом применении» результатов исследования свелись к формулировке четырех достаточно шуточных рекомендаций, «не обязательных к исполнению», — смейтесь сердечно, по-доброму; смейтесь с другими; помните об «экологии» смеха (ваш смех может обидеть); следите, чтобы хотя бы 50% вашего смеха составлял смех над самим собой (с. 170). Завершает книгу следующее заявление Гленна: «Хотя моей целью было достижение полного понимания роли смеха в человеческом взаимодействии, надеюсь, эта цель никогда не будет достигнута» (с. 171). Что ж, это правильно, ведь тогда смеяться и жить будет неинтересно.

Поскольку жанр рецензии предполагает выделение «плюсов» и «минусов» рецензируемого издания, перейдем к таковым. Остановимся сначала на очевидных достоинствах книги Филлипа Гленна: она интересна и примечательна уже хотя бы потому, что представляет собой крайне нетипичный для отечественной социологической традиции подход к анализу взаимодействия участников коммуникации. В российской социологии в принципе достаточно редки обращения и к конверсационному анализу как рассмотрению «формальной» организации разговора, и к его «содержательному» аналогу, разработанному Г.М. Дризде⁵. Еще реже аналитики учитывают невербальные элементы коммуникации — обычно дело ограничивается просьбой к интервьюерам делать короткие заметки о ходе интервью, а анализу подвергается лишь смысловое содержание транскриптов. Гленн же посвящает целую книгу детализированному, систематическому, теоретически и методологически обоснованному анализу отдельного компонента невербальной составляющей коммуникативной ситуации, причем, скажем честно, — далеко не всегда в таковой наличествующего. Теоретико-методологическая база анализа смеха в книге имеет весьма обширный и дифференцированный характер, например, Гленн приводит определения и интерпретации смеха, начиная с Бекона и Дарвина, прослеживая их трансформацию через Канта, Бергсона и Фрейда к Дерриде и Гофману (с. 9). Книга весьма наглядна — в ней представлена масса «кейсов» (такова терминология автора), а именно: разных по размеру транскриптов коммуникативных ситуаций, детально прописанных, с подробными аналитическими выкладками и обоснованием как

⁵ Информативно-целевой анализ предполагает выделение макроструктуры (иерархии смысловых блоков в тексте относительно основной идеи) и микроструктуры (внутритекстовых связей между блоками текста, образующими его логико-фактологическую и смысловую основу) текстов интервьюера и респондента, чтобы «контролировать соответствие формулировки вопросов целям исследования, определять коэффициент информативности ответов (отношение общего числа синтаксем в тексте ответа к числу синтаксем в его логико-фактологической цепочке) и оценивать с этой точки зрения качество формулировок вопросов, выявлять рассогласованности «фокусов» вопросов и ответов и находить способы их устранения» [6, с.114, 116].

использованных знаков транскрибирования, так и возможных интерпретаций происходящего во взаимодействии. Гленн дополняет существующую типологию видов триангуляции⁶ («технической» ее разновидностью), говоря о необходимости одновременного использования целого ряда технических средств записи взаимодействия (для адекватной интерпретации значения смеха в процессе коммуникации необходимо анализировать существенно больше видов невербалики, чем собственно сам смех).

Если говорить об ограничениях предлагаемого Гленном аналитического подхода, то автор сам, хотя и вскользь, отмечает первое из них, — это проблемы кодировки, связанные с необходимостью уложить все многообразие повседневного взаимодействия людей в группу бинарных оппозиций (смеется — нет, ухаживания — нет и т. д.): любая категоризация повседневности усложняет понимание ситуативных, сиюминутных поведенческих действий по конструированию взаимоотношений и идентичности. В целом при прочтении книги возникает целый ряд вопросов: во-первых, даже в ходе интервью достаточно сложно правильно интерпретировать любые смеховые «действия» респондента (смех может маскировать желание скрыть правду, смущение, ненависть и т. д.), а ведь в большинстве случаев аналитик работает с транскрибированным текстом, в котором интенциональная специфика смеха информанта уже была подвергнута интерпретации того, кто транскрибировал «разговор». Это ограничение признает и Гленн, говоря о невозможности «легкого описания и объяснения смеха в силу его “природы хамелеона”»: с одной стороны, смех действительно достаточно схож в различных языках и культурах, универсален на протяжении человеческой истории; с другой — конкретные его визуальные и вокальные проявления крайне вариативны (с. 31).

Во-вторых, даже приняв аргументы Гленна в пользу предлагаемого им детализированного анализа смеха, крайне сложно реализовать подобные процедуры на практике по банальной, но практически непреодолимой причине ограниченности финансовых, кадровых и временных ресурсов в любом социологическом исследовании. Гленн убежден, что очень скоро технологические новшества позволят точно изучать смех и другие характеристики человеческого взаимодействия, но ведь проблема не столько в фиксации деталей такового, сколько в дальнейшей аналитической обработке полученных данных: редко (если вообще когда-либо) социологам удастся совместить предлагаемый Гленном «микроскопический» взгляд с требованиями заказчика, «размером» изучаемой области действительности и имеющимися временными, кадровыми и финансовыми возможностями.

В-третьих, не следует забывать, сколь незначительны в принципе возможности аналитических обобщений в любых исследованиях смеховой культуры⁷: чем больше операциональных переменных и эмпирических индикаторов мы используем, тем сложнее формировать какие-либо типологии;

⁶ Достаточно общепризнанными на сегодняшний день являются следующие виды триангуляции: внутриметодная, междуметодная и методологическая (по Денцину); совмещение количественных и качественных данных; исследовательская, временная и пространственная [см., например: 7].

⁷ Понятно, что о статистических обобщениях в подобных исследованиях и речи идти не может.

если же мы привлекаем в качестве значимого фактора такой невербальный феномен, как смех, то возможности аналитических выкладок снижаются практически до минимума, учитывая степень его индивидуальной вариативности.

И, наконец, хотя на протяжении всей книги Гленн подчеркивает необходимость анализа смеха с позиций не физиологического, биологического, психологического и прочих подходов, а в социально-интеракционистской перспективе (то есть с учетом особенностей социальной коммуникации людей), достаточно странно выглядят постоянные упоминания автора, что «люди — не единственные способные к смеху представители животного мира», что смех «филогенетически близок “расслабленно-довольному состоянию приматов — с открытым ртом — сопровождающему игровые формы их активности”» (с. 15). Вероятно, более правильным и последовательным был бы однозначный выбор позиции различия человека и приматов в рассматриваемом отношении. Однако Гленн полагает, что шимпанзе и гориллы, как и люди, используют смех для выражения дружелюбия и удовольствия, а отличие их от нас — в неспособности на такую «когнитивную изощренность, как смех над шутками, самими собой, забавными ситуациями или игрой слов» — но ведь именно таковая и составляет основу смеховой культуры людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Franzosi R.* Narrative analysis — or why (and how) sociologists should be interested in narrative // *Annual Review of Sociology*. 1998. Vol. 24.
2. *Rossiter M.* A narrative approach to development: Implications for adult education // *Adult Education Quarterly*. 1999. Vol. 50. No. 1.
3. *Исупова О.Г.* Конверсационный анализ: представление метода // *Социология: методология, методы, математические модели*. 2002. № 15.
4. *Tracy K.* Analysing context: Framing the discussion // *Research in Language and Social Interaction*. 1998. Vol. 31(1).
5. *Stokoe E.H., Weatherall A.* Gender, language, conversational analysis and feminism // *Discourse & Society*. 2002. Vol. 13(6).
6. *Киселева И.П.* Информативно-целевой анализ текста свободного интервью // *Социологический журнал*. 1994. № 3.
7. *Девятко И.Ф.* Методы социологического исследования. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1998.